

УДК 343.42
ББК 67.408.114.23

А.В. ИВАНЧИН, С.А. СИЛАНТЬЕВ

**НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ
И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ
(СТАТЬЯ 148 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ):
ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА УГОЛОВНОГО ЗАКОНА
И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОМЕНТА
ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

***Ключевые слова:** преступления против свободы совести и вероисповеданий, юридическая техника, язык уголовного закона, момент окончания преступления, длящиеся преступления, оскорбление религиозных чувств верующих.*

В статье рассматривается тематика влияния языка уголовного закона на определение момента окончания преступления. Материалом для исследования послужили нормы ст. 148 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), при применении которых проявляются некоторые проблемы подобного рода. Актуальность избранной темы объясняется масштабным некачественным применением на практике положений ст. 148 УК РФ после их изменения в 2013 г., встречающимися нарушениями принципа справедливости, связанными в том числе с неправильным определением момента окончания преступления. Научная новизна работы обусловлена недостаточной теоретической разработкой темы технико-юридических особенностей конструирования и применения норм о преступлениях против свободы совести и вероисповеданий. Целью исследования является анализ влияния языка уголовного закона на определение момента окончания преступления.

На основе материалов судебной практики и положений уголовно-правовой науки показано влияние языкового оформления диспозиций статей Особенной части УК РФ на определение момента окончания преступлений, в том числе на возможность признания их длящимися. Авторами высказано мнение о том, что правоприменитель должен не только ориентироваться на букву уголовного закона, но и уяснять его смысл (дух), принимая во внимание сущность деяния, источник его общественной опасности и то, в каком именно акте поведения она максимально воплощается. На основании изложенного был сделан вывод о том, что преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 148 УК РФ, совершенное в форме публичного размещения запрещенных законом материалов, окончено с моментом самого опубликования материалов (их размещения) и не является длящимся. Также был определен момент окончания преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 148 УК РФ, – это момент совершения действий (бездействия) независимо от того, была ли сорвана деятельность по отправлению гражданами своих религиозных нужд.

Правильное определение момента окончания преступления имеет несомненное значение в рамках практики применения уголовного закона. Очевидно, что от этого во многом зависят пределы наказуемости совершенного деяния, так как при неоконченном преступлении применяются соответствующие специальные начала назначения уголовного наказания (ст. 66 УК РФ)¹,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: Фед. закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г. № 293-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, 17 июня. Ст. 2954.

при определенных условиях устанавливается возможность использования более мягких правил назначения наказания по совокупности преступлений (ч. 2 ст. 69 УК РФ). Однако не менее важным последствием определения момента окончания преступления является и установление начала течения сроков давности, что влияет на решение вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности в соответствии со ст. 78 УК РФ.

В связи с этим необходимо обратиться к нормам уголовного закона, при применении которых могут возникать проблемы с определением момента окончания преступления. Одной из таких норм является ч. 1 ст. 148 УК РФ, устанавливающая ответственность за «*публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих*». Неясности в практике применения данной нормы связаны как с её законодательной формулировкой, так и с фактическим характером запрещенных ею деяний.

В первую очередь необходимо описать поведение, *наиболее часто* подпадающее под действие ч. 1 ст. 148 УК РФ. Оно сводится к тому, что лицо на своей общедоступной странице в социальной сети выкладывает или репостит карикатуры на какие-либо имеющие религиозную природу образы. При этом в одной из наших работ мы демонстрировали, что на применение по отношению к приведенной ситуации претендует и ч. 2 ст. 5.26 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ)¹, устанавливающая ответственность за «*умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порчу или уничтожение*» [6. С. 145–146].

На практике это приводит к коллизии между УК РФ и КоАП РФ, порождающей произвольное применение одной из вышеуказанных норм. Данная коллизия имеет и довольно неожиданные негативные последствия, так как судебная практика в зависимости от квалификации деяния демонстрирует и разный подход к определению начала течения сроков давности. Применительно к преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 148 УК РФ, когда они совершаются в форме публичного размещения оскорбительных материалов, судебная практика придерживается мнения, что временем их совершения является сам момент их опубликования, исчисляя исходя из этого сроки давности [2]. В свою очередь, по административным правонарушениям, предусмотренным ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, практика стоит на позиции, что такое правонарушение является длящимся и сроки давности необходимо исчислять с момента его обнаружения [4]. Это лишний раз подчеркивает важность решения вопроса о моменте окончания преступления, описанного в ч. 1 ст. 148 УК РФ.

Прежде всего, необходимо оценить доводы в пользу того, что рассматриваемое преступление, совершаемое в форме опубличивания оскорбительных

¹ Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации: Фед. закон от 30.12.2001 г. № 196-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г. № 286-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I), 7 янв. Ст. 1.

сведений, является длящимся. Во-первых, стоит обратить внимание на тот факт, что при размещении в сети «Интернет» оскорбляющая религиозные чувства верующих информация сохраняется и продолжает существовать в таком пространстве до момента её удаления. Такой промежуток времени может быть весьма продолжителен, и в ходе него с информацией могут ознакомиться как верующие соответствующей конфессии, так и лица, разделяющие взгляды преступника.

Во-вторых, как отмечают отдельные авторы, рассматриваемое деяние вполне соответствует понятию длящегося преступления, которое приведено в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям». Так, С.А. Силаев замечает по поводу отдельных видов преступлений, связанных с незаконным распространением информации в сети «Интернет» (ст. 128.1, 137, 280 УК РФ и др.), что в них «налицо все существенные признаки длящегося преступления: за единичным волевым актом следует «преступное состояние», в течение которого деяние непрерывно осуществляется на стадии оконченного преступления вплоть до наступления так называемого *factum contrarium...*» [5. С. 323]. Действительно, можно расценить размещение соответствующей информации в сети «Интернет» как незаконное действие, а её последующее нахождение в публичном доступе – как связанное с действием последующее длительное невыполнение обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования.

Однако, по нашему мнению, при толковании ч. 1 ст. 148 УК РФ и определении момента окончания описанного в ней преступления следует обратить особое внимание на законодательную формулировку деяния. Законодатель в ходе конструирования состава преступления использовал признак цели, употребив при этом причастие прошедшего времени, а именно, указав на действия, «совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих». Мы придерживаемся мнения, что подобным приемом законодатель подчеркивает одномоментный характер преступления и тем самым дает легальные основания для доминирующего подхода в судебной практике, признающего временем совершения «оскорбления религиозных чувств верующих» момент публичного размещения оскорбительных материалов (когда преступление совершается в этой форме).

Вместе с тем не всегда буквальное прочтение текста диспозиции статьи Особенной части дает правильное представление о моменте окончания запрещенных ею деяний. Так, нередко для описания длящихся преступлений используются отглагольные существительные – например, «хранение» в ст. 222 и 228 УК РФ. Но в УК РФ встречаются и такие диспозиции статей, построенные с помощью отглагольных существительных, которые не могут свидетельствовать о длящемся характере предусмотренных ими преступлений. Однако судебная практика в ряде случаев ориентируется, по-видимому, как раз на законодательную формулировку и признает их длящимися. Так, З. был осужден по ст. 329 УК РФ за надругательство над Государственным флагом Российской Федерации – им в публичном доступе в социальной сети «ВКонтакте» были размещены изображения Государственного флага РФ, сопровождавшиеся текстом с оскорблением России и россиян через негативную характеристику, выраженную в неприличной форме.

При этом был отвергнут довод защитника о том, что с момента размещения изображений прошло время, превышающее установленные законом сроки давности. Суд указал, что датой окончания названных преступлений является не день размещения файлов, а последний установленный судом день хранения их 3. в публичном доступе, т.е. фактически суд признал преступление длящимся [3]. К схожему итогу вполне может прийти разрешение конкретных дел и по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за «осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично» (которые также чаще всего совершаются путем размещения изображений или текстов в сети «Интернет»).

На наш взгляд, нельзя назвать правильным подход, согласно которому однородные деяния, заключающиеся в размещении в сети «Интернет» (или в принципе в общем доступе) какой-либо запрещенной законом информации, оцениваются как одномоментные (или продолжаемые) либо длящиеся в зависимости от того, как именно они описаны в соответствующей норме – с использованием признака цели, говорящего об одномоментности, или через отлагательное существительное, наводящее правоприменителя на мысли о длящемся преступлении. При определении момента окончания преступления правоприменитель должен ориентироваться не только на букву уголовного закона, но и уяснять его смысл (дух), принимая во внимание сущность деяния, источник его общественной опасности и то, в каком именно акте поведения она максимально воплощается. Так, общественная опасность публичного оскорбления религиозных чувств верующих и иных видов выведения в общий доступ информации, противоречащей закону, определяется не столько продолжительностью её нахождения в таком качестве, а, прежде всего, самим фактом её доведения до широких масс населения, её опубликованием, что происходит именно в момент её размещения лицом. Именно в указанный момент лицо проявляет вонне свою преступную волю, четко противопоставляет её воле общества и государства, а потому и подлежит наказанию именно за подобный поступок. Надо отметить, что изложенная позиция находит основу и в нормативном материале, так как законодатель акцентирует внимание (например, в ч. 1 ст. 148, ст. 205.2, 280, 282, ч. 3 ст. 354.1 УК РФ) на признаке публичности, наделяя его в рамках состава преступления статусом конститутивного (а следовательно, несущего «заряд» общественной опасности).

Также в развитие приведенного довода стоит отметить и тот факт, что преступник далеко не всегда контролирует затем размещенную им информацию. Например, он может перестать использовать страницу в социальной сети, на которой имеется уголовно наказуемая информация, не удалив её при этом, или же, наоборот, так активно использовать указанную страницу, пополняя новой, не запрещенной информацией, которая будет сдвигать из поля зрения «вниз» информацию запрещенную, что в итоге забудет о существовании последней (но при этом та формально будет продолжать существовать в публичном пространстве). Включение подобных состояний в основание уголовной ответственности лица, на наш взгляд, привело бы к объективному вменению, прямо запрещенному ст. 5 УК РФ.

Кроме того, стоит отметить, что признание длящимися преступлениями фактов публичного размещения незаконной информации породило бы множество практических трудностей, связанных с действием уголовного закона во времени, соучастием и т.п. Например, весьма интересно было бы решение вопроса о субъекте преступления: если считать преступление продолжающим совершаться до момента удаления незаконной информации из публичного пространства, то подлежит ли ответственности лицо, которое на момент её размещения не достигло возраста привлечения к уголовной ответственности, но достигло его в период, пока информация продолжала существовать в общем доступе, не будучи удалена? Вряд ли здесь допустим положительный ответ даже с позиции здравого смысла.

На основании вышеизложенного мы придерживаемся мнения, что преступления, заключающиеся в распространении противоречащей закону информации в публичном пространстве (в первую очередь, в сети «Интернет»), не могут считаться длящимися, а являются преступлениями, юридически оконченными при придании информации общедоступного характера. Поэтому и преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 148 УК РФ, совершенное в форме публичного размещения запрещенных законом материалов, следует признавать оконченным в момент самого обнародования материалов. Иначе говоря, оно является, по общему правилу, одномоментным (в порядке исключения может быть продолжаемым). То же стоит сказать и об административном правонарушении, предусмотренном находящейся в коллизии с уголовно-правовой нормой ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, несмотря на то, что деяние описано в ней с помощью отглагольного существительного.

Также надо отметить, что в рамках ст. 148 УК РФ имеется ещё одна норма, законодательная формулировка которой может вызывать затруднения с определением момента окончания преступления. Речь идет о ч. 3 ст. 148 УК РФ, устанавливающей ответственность за *«незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний»*.

Дело в том, что для построения диспозиции статьи использовано отглагольное существительное «воспрепятствование». Подобная природа термина и приводит к трудностям в разрешении вопроса о моменте окончания деяния, отраженного с помощью него в уголовном законе: подобными частями речи может обозначаться и процесс, и его результат.

Всего уголовно-правовая наука и практика знает 3 возможных варианта окончания деяния, описанного с помощью отглагольного существительного:

- момент окончания деяния связывается с началом осуществления преступной деятельности;
- момент окончания деяния связывается с физическим завершением деятельности, независимо от её результативности;
- момент окончания деяния связывается с успешным для виновного (хотя бы частично) итогом осуществления им преступной деятельности [1. С. 73–78].

К одному из подобных вариантов следует склониться и при толковании термина «воспрепятствование», закрепленного в ч. 3 ст. 148 УК РФ. Первый вариант (преступление окончено с начала осуществления соответствующей

деятельности) следует, на наш взгляд, отклонить, так как столь узкое толкование закона должно, как представляется, иметь официальный характер на уровне разъяснений Пленума Верховного суда РФ. Поэтому наиболее вероятными являются второй и третий варианты.

Надо отметить, что термин «воспрепятствование» используется в УК РФ не только в ст. 148, а потому можно проследить, как определяется момент окончания в других нормах. Так, можно обратиться к находящейся в той же гл. 9 УК РФ ст. 144, устанавливающей в ч. 1 ответственность за «воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов *путем принуждения* их к распространению либо к отказу от распространения информации». Как мы видим, в рамках данного состава преступления прямо выделен способ совершения воспрепятствования. Такое законодательное описание влияет на то, что окончением данное преступление признается с момента принуждения независимо от того, была ли информация впоследствии, соответственно, не распространена или распространена. Сходным образом определяется и момент окончания преступления в ч. 1 ст. 294 УК РФ, устанавливающей запрет «вмешательства в какой бы то ни было форме в деятельность суда *в целях воспрепятствования* осуществлению правосудия».

Как мы видим, в ч. 3 ст. 148 УК РФ подобных «маркеров» нет, а потому можно было бы предположить, что для признания такого преступления окончением требуется, чтобы виновное лицо своим деянием добилось относительного успеха. Думается, однако, что это не так, и надо принять точку зрения, что преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 148 УК РФ, следует признавать окончением в момент совершения действий независимо от того, была ли сорвана деятельность по отправлению гражданами своих религиозных нужд или же нет.

Приведем следующие доводы в обоснование нашей позиции. Во-первых, мы считаем приведенный вариант наиболее сбалансированным в ситуациях, когда отсутствуют разъяснения Пленума Верховного суда РФ и устойчивая судебная практика по указанному вопросу – такой взгляд лишен крайностей, характерных для остальных подходов, и в то же время создает достаточное основание для привлечения лица к уголовной ответственности, так как общественно опасные действия лицом уже совершены. Во-вторых, разумным шагом видится унификация родственных составов преступлений, закрепляющих признаки посягательств на однородный объект, а, как известно, «оскорбление религиозных чувств верующих» (ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ) окончено в момент совершения действий независимо от достижения или недостижения преступного результата, потому и применительно к ч. 3, 4 этой статьи логично развивать аналогичный подход.

Таким образом, мы видим, что языковое оформление диспозиций статей Особенной части УК РФ в значительной степени влияет на определение момента окончания преступлений и зачастую вызывает проблемы (в том числе в рамках ст. 148 УК РФ). При этом решение этих вопросов, как нами было продемонстрировано применительно к преступлениям, связанным с распространением противоречащей закону информации в публичном пространстве (в том

числе в сети «Интернет»), требует от правоприменителя не только ориентироваться на букву уголовного закона, но и уяснять его истинный смысл, принимая во внимание сущность деяния и слагаемые его общественной опасности.

Литература

1. Кругликов Л.Л., Спиридонова О.Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 336 с.
2. Постановление мирового судьи судебного участка № 5 Заводского района г. Орла от 12 февраля 2018 г. по делу № 1-7/2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://bsr.sudrf.ru/biggs/-portal.html?id=f4f55ec07956b776ae4f05a6df8546c1> (дата обращения: 13.11.2021).
3. Приговор Калужского областного суда от 14 августа 2017 г. по делу № 2-9/2017 [Электронный ресурс]. URL: https://oblsud--klg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=-doc&number=404557&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 13.11.2021).
4. Решение Кировского районного суда г. Омска от 27 апреля 2018 г. по делу № 12-115/2018 [Электронный ресурс]. URL: https://kirovcourt--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=-doc&number=13151276&delo_id=1502001&new=&text_number=1 (дата обращения: 13.11.2021).
5. Силаев С.А. О «нетипичных» длящихся преступлениях // Борьба с преступностью: теория и практика: тез. докл. III Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Могилев: Могилев. ин-т МВД, 2015. Ч. 1. С. 321–323.
6. Силантьев С.А. Коллизии норм уголовного и административного права об ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих: причины, проявления, пути преодоления // Евразийское научное объединение. 2020. № 1-2. С. 143–147.

ИВАНЧИН АРТЕМ ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, декан юридического факультета, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, Россия, Ярославль (ivanchin@uniyar.ac.ru).

СИЛАНТЬЕВ СВЯТОСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ – аспирант кафедры уголовного права и криминологии, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, Россия, Ярославль (svyatoslav.silantev.97@mail.ru).

Artem V. IVANCHIN, Svyatoslav A. SILANTEV

OFFENSE OF THE RIGHT TO FREEDOM OF CONSCIENCE AND RELIGION (ARTICLE 148 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): FEATURES OF THE CRIMINAL LAW LANGUAGE AND THEIR IMPACT ON DETERMINING THE MOMENT OF CRIME TERMINATION

Key words: crimes against freedom of conscience and religion, legal technique, language of the criminal law, the moment of crime end, continuing crimes, insulting the religious feelings of believers.

The article deals with the subject area of the influence of the criminal law language on determining the moment of the crime termination. The norms of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation served as the material for the study, when applying which some problems of this kind manifest themselves. The relevance of the chosen topic is explained by a large-scale poor-quality applying in practice the provisions of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation after their amendment in 2013, by violations of the principle of justice associated, among other things, with incorrect determining the moment of the crime termination. The scientific novelty of the work is due to insufficient theoretical development of the topic describing technical and legal features of constructing and applying the norms on crimes against freedom of conscience and religion. The purpose of the study is to analyze the influence of the criminal law language on determining the moment of the crime termination.

Based on the materials of judicial practice and the provisions of criminal legal science, the influence of the linguistic design of the dispositions contained in articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation on determining the moment of crimes termination, including the possibility of recognizing them as lasting, is shown. The authors expressed the opinion that the law enforcement officer should not only be guided by the letter of the criminal law, but also understand its meaning (spirit), taking into account the essence of the act, the source of its public danger and in which particular act of behavior it is maximally embodied. Based on the above, it is concluded that the crime provided for in Part 1 of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation, committed in the form of public placement of materials prohibited by the law, is completed from the moment of the very publicizing the materials (their placement) and is not lasting. The moment of the crime termination provided for in Part 3 of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation was also determined – this is the moment when actions (inaction) were committed, regardless of whether the activity of citizens to fulfill their religious needs was disrupted.

References

1. Kruglikov L.L., Spiridonova O.E. *Yuridicheskie konstruktzii i simvolyy v ugovolnom prave* [Juristic structures and symbols in criminal law]. St. Petersburg, Yuridichesky Center Press Publ., 2005, 336 p.
2. *Postanovlenie mirovogo sud'i sudebnogo uchastka № 5 Zavodskogo raiona g. Orla ot 12 fevralya 2018 g. po delu № 1-7/2018* [The disposition of the magistrate of the judicial district № 5 of Zavodskoi district of Orel dated from February, 12th 2018 on the case № 1-7/2018]. Available at: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html#id=f4f55ec07956b776ae4f05a6df8546c1> (Accessed Date 2021, Nov. 13).
3. *Prigovor Kaluzhskogo oblastnogo suda ot 14 avgusta 2017 g. po delu № 2-9/2017* [The sentence of Kaluga regional court dated from August, 14th 2017 connected with the case № 2-9/2017]. Available at: https://oblsud--klg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=404557&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (Accessed Date 2021, Nov. 13).
4. *Reshenie Kirovskogo raionnogo suda g. Omska ot 27 aprelya 2018 g. po delu № 12-115/2018* [The disposition of Kirovsky district court of Omsk dated from April, 27th 2018 on the case № 12-115/2018]. Available at: https://kirovcourt--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=13151276&delo_id=1502001&new=&text_number=1 (Accessed Date 2021, Nov. 13).
5. Silaev S.A. *O «netipichnykh» dlyashchikhysya prestupleniyakh* [About unusual long-term crimes]. In: *Bor'ba s prestupnost'yu: teoriya i praktika: tezisy dokladov III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konfe-rentsii (Mogilev, 20 marta 2015 goda): v 2 ch.* [Proc. of 3rd Int. Sci. Conf. «Fight against criminality: theory and practice». 2 parts]. Mogilev, Mogilev Institut MVD Publ., 2015, part 1, pp. 321–323.
6. Silant'ev S.A. *Kollizii norm ugovolnogo i administrativnogo prava ob otvetstvennosti za oskorblenie religioznykh chuvstv veruyushchikh: prichiny, proyavleniya, puti preodoleniya* [Collisions of norms of criminal and administrative law on responsibility for insulting religious feelings of faithful: causes, manifestations, ways to overcome]. *Evraziiskoe nauchnoe ob"edinenie*, 2020, no. 1-2, pp. 143–147.

ARTEM V. IVANCHIN – Doctor of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dean of the Faculty of Law, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Russia, Yaroslavl (ivanchin@uniyar.ac.ru).

SVYATOSLAV A. SILANTEV – Post-Graduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Russia, Yaroslavl (svyatoslav-silantev.97@mail.ru).

Формат цитирования: Иванчин А.В., Силантьев С.А. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий (статья 148 Уголовного кодекса РФ): особенности языка уголовного закона и их влияние на определение момента окончания преступления [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus.* – 2022. – № 1. – С. 94–101. – URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2022/1/11>. DOI: 10.47026/2499-9636-2022-1-94-101.